

Г. Л. Соболев

**Глубокий исследователь
революционной России.
Памяти О. Н. Знаменского.
1927–1993 гг.**

***Соболев Геннадий
Леонтьевич,***

*доктор исторических
наук, профессор,
заслуженный работник
высшей школы РФ,
заслуженный деятель
науки РФ,
почетный профессор
Санкт-Петербургского
государственного
университета
(Санкт-Петербург)*

Олег Николаевич Знаменский принадлежит к числу талантливых и редких для своего времени историков, труды которых не только положили начало новой Ленинградской школе изучения революции 1917 г. в России, но и оказали серьезное влияние на последующие поколения историков. О. Н. Знаменский вместе с Ю. С. Токаревым и В. И. Старцевым составили ядро, вокруг которого в 60-е годы прошлого века образовалась эта школа. Теперь, когда всех троих уже нет с нами, особенно отчетливо видна значимость ими сделанного, особенно остро чувствуется их отсутствие в современном историографическом процессе. Об этом писали по еще не остывшим следам их коллеги и ученики, хотя, как мне представляется, объективный анализ научного творчества этих ярких ученых еще впереди. Мои же заметки — это всего лишь штрихи к далеко не законченному портрету О. Н. Знаменского, моего старшего коллеги и товарища, с которым я более четверти века проработал в одном научном коллективе — Ленинградском отделении Института истории (далее — ЛОИИ) АН СССР.

Впервые я увидел О. Н. Знаменского еще в 1954 г. на историческом факультете Ленинградского университета, когда желторотым первокурсником пришел на первое (для меня) факультетское комсомольское собрание, проходившее в нашем знаменитом лектории. Многочисленная аудитория внимательно слушала обстоятельный отчетный доклад, с которым выступал человек в военной гимнастерке и явно старше нас по возрасту. Это и был О. Н. Знаменский, который сразу же после своего доклада просил твердо и решительно освободить его от обязанностей секретаря комсомольского бюро истфака. Его мотивировка — надо когда-то заниматься и наукой — произвела впечатление не только на

комсомольцев, но и на партийцев, строго опекавших свою комсомольскую организацию. Как выяснилось вскоре, Олег Николаевич действительно собирался заниматься наукой серьезно, потому что по окончании ЛГУ в 1956 г. поступил на работу в Архив Академии наук СССР, в то время как многие его сверстники предпочли пойти на партийную и комсомольскую работу. Начинать в почти тридцатилетнем возрасте (Олег Николаевич родился 4 сентября 1927 г.) с должности младшего научного сотрудника мог только влюбленный в свое дело, а не карьеру, человек, внутренне убежденный в правильности своего выбора.

Наше знакомство с Олегом Николаевичем состоялось в 1960 г., когда он был приглашен в только что созданный сектор истории советского общества ЛОИИ АН СССР, куда я был распределен по окончании университета в 1959 г.

Но между нами была разница не только в возрасте, но и в научном положении: Олег Николаевич — научный сотрудник с почти готовой диссертацией, а я — всего лишь научно-технический сотрудник, выполнявший обязанности секретаря сектора и отдельные поручения администрации. Однако, как оказалось, это не стало препятствием для наших товарищеских, а потом и дружеских отношений, в основе которых лежали преданность нашему делу, глубокая заинтересованность и совместное обсуждение происходивших тогда в жизни страны политических изменений. Именно это объединило таких не похожих друг на друга людей, как О. Н. Знаменский, Ю. С. Токарев, В. И. Старцев, С. Н. Семанов, В. И. Кардашев, В. А. Шишкин, Г. Л. Соболев. Какие жаркие баталии разгорались между нами даже за стаканом вина или кружкой пива!

Только теперь понимаешь в полной мере, какую роль играли эти контакты в нашем научном становлении. При этом никто из старших товарищей не пытался навязывать своего мнения, а мы все, много работая самостоятельно в архивах и библиотеках, старались догнать наших «мэтров», как мы их иногда называли в шутку. Вслед за ними мы тоже становились кандидатами наук, пробовали себя в новых темах и находили поддержку старших коллег. Мы быстро сдружились и, несмотря на разницу в возрасте, называли друг друга по имени. Но Олега Знаменского мы все уважительно величали Николаевичем. Он действительно выделялся среди нас своей основательностью, серьезностью, при всем том, что в лучшие годы своей жизни был жизнерадостным человеком. Олег Николаевич был начитан, следил за литературой, любил Чехова, Достоевского, Булгакова, нередко и к месту цитировал их, что получалось у него непринужденно и легко. Но за этой легкостью стояла

О. Н. Знаменский

О. Н. Знаменский в Риме

комплекс архивных и опубликованных материалов, он впервые в советской историографии осуществил глубокое и объективное исследование истории июльского политического кризиса в России в 1917 г., освободив ее от ряда прочно утвердившихся в литературе мифов и стереотипов. Показывая нарастание стихийного возбуждения солдат Петроградского гарнизона накануне событий 3 июля 1917 г., Олег Николаевич, тем не менее, обнаружил и тех, кто использовал это возбуждение в своих интересах. Это были вожак Петроградской федерации анархистов-коммунистов, которые на своем тайном совещании на даче Дурново 2 июля 1917 г. решили призвать рабочих и солдат столицы к вооруженному восстанию. Что же касается роли большевиков, то Олег Николаевич приходил к выводу о том, что, несмотря на вовлеченность в это стихийное выступление, они не ставили тогда своей целью захват власти. Представленная в книге картина событий 3–4 июля 1917 г. в Петрограде и сегодня, спустя 40 лет, остается самой полной. Олег Николаевич установил, что виновниками вооруженных столкновений в центре столицы были различные контрреволюционные организа-

огромная работа. «Легкое дело — тяжело писать и говорить, — заметил как-то с присущим ему остроумием В. О. Ключевский, — но легко писать и говорить — тяжелое дело». Олег Николаевич много и не спеша работал над историческим материалом, над его осмыслением и подачей, и, как мне теперь кажется, далеко не всегда одобрял то, что выходило из-под пера его более плодовитых, если не сказать спешивших к известности коллег. Впрочем, он был всегда деликатен, доброжелателен, и никогда не поучал. Его одобрение многого стоило. Я помню, с каким волнением я ожидал, что скажет Олег Николаевич о рукописи моей книги или статьи. Его советы всегда были полезны, а одобрение вдохновляло. И прежде всего потому, что он обладал исключительно высоким авторитетом, который пришел с появлением в печати его первых работ.

Первая же книга О. Н. Знаменского — «Июльский кризис 1917 года», вышедшая в 1964 г., привлекла внимание историков новой документальной материала и выводов автора¹. Опираясь на изученный им ком-

ции, военные и полувоенные союзы, и таким образом снял вину с Временного правительства за расстрел мирной демонстрации. Заслугой Олега Николаевича следует также признать, что он первым проследил распространение начавшегося в Петрограде политического кризиса на всю Россию.

Неудивительно поэтому, что в вышедшем в 1967 г. двухтомнике «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде»² именно О. Н. Знаменский был автором большой и содержательной главы об июльских событиях 1917 г. в Петрограде. Как потом отмечал коллега Олега Николаевича и его близкий друг — В. И. Старцев, «это было наше наивысшее коллективное достижение, наша победа и наш триумф». Как рецензент, читавший рукопись этой книги до редакторской правки и вторжения цензуры, я могу только подтвердить, что эта была действительно новаторская работа, о чем мне уже приходилось писать. Но, к сожалению, далеко не все, что было в первоначальном варианте книги, удалось сохранить и опубликовать. Под административным давлением из Москвы редколлегии пришлось снять уже из второй корректуры историографическое введение, авторами которого были О. Н. Знаменский и В. И. Старцев. Прослеживая развитие советской историографии революционных событий в Петрограде в 1917 г. за прошедшие 50 лет, они показали наряду с ее достижениями негативное влияние культа личности Сталина на освещение целого ряда принципиальных вопросов истории Октябрьской революции. Увы, в то время наверху уже считали необходимым приглушить критику культа личности Сталина, и административно-командное вмешательство в историческую науку становилось все более ощутимым и пагубным. Только спустя четверть века В. И. Старцев опубликует написанное совместно с О. Н. Знаменским историографическое исследование в сборнике научных статей «Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды», а также отдельным оттиском. Знакомая сегодня с этой работой как с историографическим явлением 60-х годов теперь уже прошлого века, получаешь наглядное представление о том, в каких пределах разрешалось советским историкам говорить правду об Октябрьской революции. В. И. Старцев впоследствии признавался, что его соавтор — О. Н. Знаменский считал даже это снятое из книги «Октябрьское вооруженное восстание» историографическое введение полуправдой. «Я возражал против этого, — писал позднее В. И. Старцев, — но теперь вижу, насколько прозорливее и беспощаднее к себе был О. Н. Знаменский, оценивая так нашу работу. Да, мы старались придерживаться источников в своих выводах, но сам круг этих источников был изначально ограничен, а список проблем, которых имел право касаться исследователь революции и советского времени, был очерчен сверху».

И все же, когда сегодня обращаешься к тому, что было сделано О. Н. Знаменским в условиях идеологических ограничений, в первую очередь замечаешь его творческие достижения, отмечаешь принципиальную новизну в постановке и исследовании целого ряда кардинальных проблем истории Русской революции. Одной из них была история Учредительного

собрания в России, которой Олег Николаевич посвятил более 20 своих работ. Опубликовав в 1967 г. популярную брошюру «Конец Учредительного собрания», он затем вернулся к его начальной истории. При этом Олег Николаевич стремился придерживаться принципов объективности, что далеко не всегда соответствовало принципам партийности. Его академическая позиция проявилась еще в одной из первых работ — «О стенограмме заседания Всероссийского Учредительного собрания 5–6 января 1918 г.», опубликованной во втором томе ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины». Высокий уровень этого источниковедческого исследования отметил тогда ответственный редактор ежегодника и выдающийся специалист С. Н. Валк. В то же время целый ряд консервативно настроенных столичных историков выступили на страницах журнала «Вопросы истории» и других центральных периодических изданий против независимой позиции Олега Николаевича. Особое неприятие борцов за партийность вызвала опубликованная в 1970 г. статья Олега Николаевича «В. И. Ленин об Учредительном собрании» и появившаяся спустя два года другая — «В. И. Ленин об итогах выборов в Учредительное собрание». Они обвиняли автора в искажении взглядов вождя Октябрьской революции на Учредительное собрание, в неправильном понимании его позиции по отношению к Конституанте. Надо отдать должное Олегу Николаевичу: он защищался в других своих публикациях, в ответах в редакции исторических журналов, в объяснениях дирекции Института истории СССР, а в 1974 г. назвал своим врагам блестяще защитил докторскую диссертацию «Всероссийское Учредительное собрание (история созыва и политического крушения)». Правда, выхода книги с одноименным названием, рукопись которой была сдана в издательство «Наука» в том же 1974 г., ему пришлось ждать два года. И не только ждать, но и бороться за ее выход: рукопись и верстка его монографии рецензировались самыми ортодоксальными историками (И. Ф. Петров и др.). И все же Олег Николаевич победил, и выпустил в конце 1976 г. свою книгу без больших потерь³. Оценивая значение этой фундаментальной работы, В. И. Старцев и спустя 20 лет после ее выхода считал, что по богатству и объему привлеченных источников, по скрупулезности исторического анализа, по обобщенным данным выборов в Учредительное собрание монография О. Н. Знаменского пока не имеет себе равных и может быть признана классической. И хотя в последнее время в нашей историографии появилась тенденция как бы не замечать работы, вышедшие в советские годы, и начинать все сначала, в данном случае это было бы в высшей степени несправедливо.

Не менее значимой по своей научной проблематике и столь же сложной по своей издательской судьбе была и следующая книга О. Н. Знаменского — «Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.)»⁴. И в этой работе он предстал как исследователь-новатор, впервые в нашей литературе столь внимательно и систематически проследив политическую позицию, умонастроения, социальную психологию, организационное строительство и профессиональные заботы и интересы основной массы русской

интеллигенции в 1917 г. Основываясь на богатом документальном материале и широко используя источники личного происхождения, Олег Николаевич доказал, что, хотя Февральская революция по своей главной задаче — свержение старой власти — и соответствовала интересам большинства интеллигенции, тем не менее она не могла убедить ее до конца,

Слева направо: Б. И. Колоницкий, Н. Н. Смирнов, Е. Л. Варустина, В. Ю. Черняев, Т. М. Китанина, О. Н. Знаменский, Р. В. Знаменская

в первую очередь столичную интеллигенцию. Он также показал, что неуверенность, смятение, утрата перспективы и наступившая очень скоро апатия помешали интеллигенции достигнуть прочной организации и сколько-нибудь заметных творческих результатов. Нарисованная в книге О. Н. Знаменского картина выглядела довольно неутешительной: реформы школьного и вузовского образования, функциональная перестройка учреждений науки и культуры либо вовсе не начинались, либо ограничивались второстепенными вопросами; государственное содействие развитию науки, культуры и образования практически осталось на прежнем уровне; условия для эффективного использования творческого потенциала российской интеллигенции не только не улучшились, но и стали еще хуже. Но его главное заключение, основанное на анализе разнообразных источников, состояло

в том, что интеллигенция разочаровалась в революции задолго до октября 1917 г., еще в период апрельского политического кризиса, когда первое же открытое столкновение противоборствующих сил продемонстрировало кровавый лик революции. Разумеется, такой пессимизм автора не устраивал ни руководивших исторической наукой аппаратчиков из отдела науки ЦК КПСС, ни верноподданную дирекцию Института истории СССР АН СССР, и они всеми доступными средствами попытались заставить О. Н. Знаменского довести его исследование до 1918 года и показать, как российская интеллигенция приветствовала Великий Октябрь. Но и в этом случае Олег Николаевич устоял, проявив присущие его характеру принципиальность, твердость и упорство в отстаивании своей позиции: в 1988 г. книга вышла из печати без столь желанной начальству главы об отношении интеллигенции к Октябрьской революции.

Человеческая порядочность, научная честность, доброжелательность к своим товарищам и коллегам снискали О. Н. Знаменскому уважение коллектива ЛОИИ, в котором он проработал 30 лет. Именно в силу своего авторитета он был избран секретарем партийной организации и семь лет достойно выполнял свои нелегкие обязанности в условиях проходившей в 70-е годы борьбы против так называемого нового направления в исторической науке. В том факте, что в это трудное время в ЛОИИ не было ни склок, ни доносов, ни проработок «ревизионистов», была несомненная заслуга и О. Н. Знаменского (наряду с заведующим ЛОИИ Н. Е. Носовым). Его спокойствие, выдержка, принципиальность в немалой степени способствовали сплочению коллектива перед партийно-административными атаками из Москвы.

О. Н. Знаменский по праву считается одним из основателей ленинградской школы изучения истории революции 1917 г. в России. Он был автором и ответственным редактором целого ряда коллективных работ — «Революционный Петроград. Год 1917», «Питерские рабочие и Великий Октябрь» и др., а также монографии Ю. С. Токарева «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г.»⁵. Поэтому вполне заслуженно и, я бы сказал, естественно было его назначение заведующим сектором истории Октябрьской революции, образованным в 1979 г. в составе ЛОИИ. К сожалению, целый ряд причин объективного и субъективного порядка, в том числе и ухудшение его здоровья, не позволили Олегу Николаевичу реализовать в полной мере задуманные планы. Но он вплоть до ухода в 1990 г. на пенсию продолжал активно работать сам, руководил работой своего сектора, готовил себе научную смену.

Известный французский ученый Анри Пуанкаре как-то заметил, что физик, отказавшийся от одной из своих гипотез, должен плясать от радости, как если бы он совершил неожиданное открытие. Историк советского времени, сумевший отказаться от одной из аксиом, навязываемых ему административно-командной системой, хотя и не мог плясать от радости, тем не менее, испытывал глубокое внутреннее удовлетворение, не говоря уже об уважении

своих коллег. О. Н. Знаменский, несомненно, принадлежал к их числу, и таким исследователем-новатором он останется в памяти своих друзей, коллег и учеников.

---

¹ Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 г. М.; Л., 1964.

² Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2 кн. Л., 1967.

³ Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976.

⁴ Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988.

⁵ Революционный Петроград. Год 1917 / Ред. коллегия: Н. Е. Носов (отв. ред.), О. Н. Знаменский, Н. Н. Маслов, З. С. Миронченкова. Л., 1977; Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: Сб. науч. трудов / Отв. ред. О. Н. Знаменский. Л., 1989; Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – апреле 1917 г. Л., 1976.

Sobolev G. L. Researcher of the revolutionary Russia. In memory of O. N. Znamenskiy. 1927–1993

ABSTRACT: The article is devoted to Oleg N. Znamenskiy — scientist, historian, one of the best specialists in the History of Russian Revolutions. The author affords us the first comprehensive view of Znamenskiy's scientific heritage, including an article in his personal memories of the life, research and many-sided personality of O. N. Znamenskiy.

KEYWORDS: Oleg. N. Znamenskiy, study of Russian Revolutions.

AUTHOR: Ph.D. in History, Professor, Honored high school educationalist of Russian Federation, Honored science worker of Russian Federation, Honorary Professor of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); gsobolev@mail.ru

REFERENCES:

¹ Znamenskii O. N. Iiul'skii krizis 1917 g. Moscow-Leningrad, 1964.

² Oktiabrskoe vooruzhennoe vosstanie. Semnadcatyi god v Petrograde: V 2 kn. Leningrad, 1967.

³ Znamenskii O. N. Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie. Leningrad, 1976.

⁴ Znamenskii O. N. Intelligentsiia nakanune Velikogo Oktiabria (fevral – oktiabr 1917 g.). Leningrad, 1988.

⁵ Revoliutsionnyi Petrograd. God 1917 / Red. kollegiia: N. E. Nosov (otv. red.), O. N. Znamenskii, N. N. Maslov, Z. S. Mironchenkova. Leningrad, 1977.

⁶ Rabochii klass Rossii, ego soiuzniki i politicheskie protivniki v 1917 godu: Sb. nauch. trudov / Otv. red. O. N. Znamenskii. Leningrad, 1989.

⁷ Tokarev Iu. S. Petrogradskii Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v marte – aprele 1917 g. Leningrad, 1976.